

сторонне и глубоко исследует проблемы и предлагает пути их решения. Для нашего общества, возвращающегося к цивилизованным формам жизни, это не менее актуально сегодня, чем сто лет тому назад.

Литература

1. Зорькин В. Д. Чичерин. Из истории политической и правовой мысли. М., 1984.
2. Новгородцев П. И. О своеобразных элементах русской философии права // Соч. М., 1995.
3. Осипов И. Д. Патриарх русской государственной науки // Чичерин Б. Н. Философия права. СПб., 1998.
4. Чичерин Б. Н. Наука и религия. М., 1998.
5. Чичерин Б. Н. Философия права.

Рукопись поступила в редакцию 23 января 2008 г.

Я. И. Ширманов

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЛЬВА ШЕСТОВА

В статье рассматривается проблема эволюции религиозных представлений известного российского мыслителя Льва Шестова, выявляется характер его религиозности. Автор анализирует такие содержательные компоненты религиозных представлений Л. Шестова, как вера, Бог, свобода, разум, вражда религии и науки.

Лев Шестов — один из выдающихся российских философов Серебряного века русской культуры. Его идеи, выросшие из философии жизни, определили на рубеже XIX–XX веков переход русской и европейской философии к таким экзистенциальным проблемам, как трагизм человеческого существования, жизнь перед лицом неизбежности, выбор жизненного пути. Методологической основой его философии являлись принципиальный адогматизм, антисциентизм и метафизический скептицизм. Пожалуй, в русской философии до Л. Шестова не было мыслителя, который бы так отчаянно боролся против рационального мышления, который создал бы столь пронизательный анализ мировоззренческих предпосылок рационализма.

Рассматривая особенности мироощущения и миропонимания философа, можно заметить, что Лев Шестов был, несомненно, религиозным мыслителем, в творчестве которого существование Бога, веры, откровения оставались центральными темами. Известный исследователь В. В. Зеньковский называет его христианским философом, а современные авторы, чьи труды посвящены творчеству русского мыслителя (В. Лашов, А. Кудишина), определяют воззрения

Шестова как религиозный гуманизм. Тем не менее обращение к взглядам Л. Шестова выявляет тесное переплетение в них идей иудаизма и христианства, а также тот факт, что в работах философа практически не встречается определение религии как таковой. Известно, что в последние годы своей жизни он заинтересовался восточной философией и религией, изучал учение Будды.

Обращаясь к эволюции религиозных взглядов Льва Шестова, интересно проследить развитие его представлений о Боге. В одной из первых крупных философских работ «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше» Л. Шестов критикует представления некоторых выдающихся философов о Боге. Так, великого русского писателя Л. Н. Толстого Шестов порицал не просто за морализаторство, а за подмену Бога добром: «Не вера и христианство привели Толстого к его отрицанию, о вере у него нет ни слова. Бог умышленно подменяется добром, а добро братской любовью» [17, 69]. Л. Шестов пытается противопоставить свою веру в Бога толстовской вере в проповедь. Русский философ находит сходство Л. Толстого с Ф. Ницше, ведь и для того тоже «Бог умер». Л. Шестов завершает свое произведение призывом поиска Бога, а не добра. Можно предположить, что поиск Бога у Л. Шестова тесно переплетается с ницшеанским осознанием смерти Бога. Причем именно осознание смерти христианского Бога является отправной точкой поиска нового, истинного Бога. По мнению отечественного мыслителя А. В. Овсянникова, в интерпретации Л. Шестова ницшеанское «Бог умер» схоже с библейским «Господи, отчего ты оставил меня», а оборотной стороной отрицания Бога является желание абсолюта [9, 134]. Л. Шестов уверен: почувствовав, что Бога нет, человек постигает ужас и безумие человеческого существования, что является толчком к пробуждению последнего знания.

В работе «Достоевский и Ницше» Л. Шестов отчасти продолжает критику Л. Н. Толстого. Поиски веры великого писателя он называет проверкой, которая веру и убивает. Здесь посредством отстраненного критического взгляда Шестов пытается обозначить сущность собственных религиозных представлений. Но в тот период у него еще отсутствуют фидеистические представления, которые станут определяющими для последующих произведений.

Следующим этапом его философского творчества стали сборники «Начала и концы» и «Великие кануны», в которых мы находим ярко выраженную мысль об индивидуальности веры: «В Евангелии скрещиваются столь противоположные течения, что люди, в особенности люди большой дороги, умеющие двигаться лишь в одном направлении и под одним, всем видимым знаменем, люди, привыкшие верить в единство разума и непререкаемость логических законов, никогда не могли охватить целиком евангельского учения» [10]. Индивидуальную веру человек должен найти самостоятельно, без чьей-либо помощи, тем более без помощи авторитетов. Л. Шестов начинает рассматривать веру как иное измерение мышления, как нечто принципиально другое, отличное от логических рассуждений. В этом он близок с У. Джеймсом, который считал, что вера есть нечто ненормальное, а потому она не может быть уделом многих.

Правда, скорее всего, Джеймс понимал веру более психологически. Л. Шестов же видел в вере великий божественный дар. Резкое противопоставление веры и разума, столь характерное для всего творчества автора, появляется, по сути, впервые в 1908–1910 гг. в философских сборниках «Великие Кануны» и «Начала и Концы». Рационализма Шестов не принимал, в какой бы форме он ни проявлялся: «Вере строжайше воспрещено на выстрел приближаться к областям, где царит строгое научное исследование» [10]. Л. Шестов высмеивает такое понимание веры, при котором ее толкуют как недостаточность знания или знание, взятое в кредит. По его мнению, в этом и есть сущность веры, ее чудеснейшая прерогатива, что она в доказательствах не нуждается, ибо живет по ту сторону доказательств.

Дочь философа Н. Баранова-Шестова в своих воспоминаниях писала, что, философскими сборниками «Великие кануны» заканчивается первый период творчества Льва Шестова.

Следующая книга, «Sola Fide» («Только верую»), была написана в Швейцарии в 1911–1914, но опубликована лишь в 1966 году. Она «является некоторым образом духовной автобиографией и источником многих мыслей, которые легли в основу последующих книг» [2, 125]. По мнению А. В. Овсянникова, это была первая работа Шестова, имевшая ярко выраженную религиозную окраску [9, 125]. В этой работе Л. Шестов вполне определенно заявляет, что между разумом и верой не может быть ничего общего: «либо разум, либо вера» [12, 248]. На первый взгляд кажется, что Шестов здесь в полной мере движется за Лютером, но разница между ними значительна. Известный российский исследователь В. А. Курабцев справедливо указывает на то, что «самое серьезное расхождение Лютера с Шестовым заключается в том, что вера Лютера — это вера в Иисуса Христа, что Христос и Новый Завет в Писании — главное, а для Шестова не было разницы между Ветхим и Новым Заветами» [7, 117]. Современный исследователь Л. А. Таланина и вовсе убеждена: итогом «Sola Fide» стало осознание Шестовым мысли, что мало кто понимает истинный смысл и сущность веры [11, 87].

Позднейшие работы Л. Шестова, написанные после 1920 г., логично будет обозначить как творчество эмигрантского периода. Иррациональная борьба за истину и свободу — так можно охарактеризовать дальнейшее развитие религиозных представлений отечественного мыслителя. В этот период он высказывает ставшее для него очевидным убеждение: «Религиозная философия не есть разыскание предвечно существующего, неизменного порядка бытия, не есть оглядка, не есть различие между добром и злом. Религиозная философия есть рождающаяся в безмерных муках через отврат от знания, через веру, преодоление ложного страха перед ничем не ограниченной волей творца... Иначе говоря, она есть великая и последняя борьба за первоизданную свободу. Наш разум опорочил в наших глазах веру, он распознал в ней незаконное притязание человека подчинить своим желанием истину и отнял у нас драгоценнейший дар неба, расплющив наше мышление в плоскость окаменевшего» [13, 24].

Уже в самом определении религиозной философии автор поднимает вопрос свободы. Данную проблему Л. Шестов анализирует на основе библейского мифа о грехопадении. Для человека до грехопадения не было ничего невозможного, человек обладал абсолютной свободой. Сорвав плоды с дерева познания, он попал в зависимость от необходимых истин. «Адам, когда протянул руку к дереву познания, уже хотел не верить, а знать», — размышляет Л. Шестов [13, 225], формулируя извечный вопрос о том, как вернуть себе свободу, если на пути к ней стоит разум. У философа постепенно рождается мысль о свободе как о необходимом условии существования веры. По мнению Л. А. Таланиной, свобода для Шестова «возможна только при условии отказа от разума и сосредоточения на вере» [11, 13]. Сам же философ констатирует, что именно знание стало причиной утраты человеком свободы и поклонения необходимости. В сущности, вся история мировой мысли представляется Шестову историей борьбы веры и разума. Он полагает, что борьба эта проходила не только в сфере философии, но и в сфере религии и богословия, причем разум пока побеждал. Шестов последовательно отстаивает мысль о том, что религия всегда враждовала с наукой. Философ постулирует: «В Средние века религия умела занять исключительное положение: ей одинаково повиновались и ученые, и короли. Философия была прислужницей теологии. Но это только так казалось. На самом деле религия, прежде чем повелевать и распоряжаться, сама давала клятвенный обет безусловной вассальной верности греческой философии» [13, 225].

Религиозная философия Шестова формируется как альтернатива научному познанию. Он верит в создание такого мира, в котором бы законы природы и общества потеряли бы власть над человеком и его судьбой, а для этого надо выйти за пределы науки, в иное измерение мышления, где не фактический мир ставит человека перед необходимостью, а человек сам способен изменять мир. Чтобы это было возможным, нужно вернуться в то состояние, в котором человек находился до грехопадения.

По мнению Шестова, католическая церковь, неверно расставив акценты, принизила значимость веры, а значит, исказила ее суть. В работе «Афины и Иерусалим» он пишет: «Вера — то измерение мышления, при котором истина радостно и безболезненно отдается в вечное и бесконтрольное распоряжение Творца». Он подчеркивает, что настоящая вера знание отменяет полностью: «Вера не только не может, но и не хочет превратиться в знание. Она непостижимым образом освобождает человека из тисков знания, и знание, связанное с падением человека, может быть преодолено только верой. Когда приходящая к нам от веры истина постигается нами как самоочевидная, значит лишь то, что она нами утрачена» [13, 260]. Таким образом, вера у Шестова начинается там, где кончается мышление. «Верить — это значит потерять разум и найти Бога». Или: «Чтобы восхитить небо, надо отказаться от учености» [14, 51]. Эта формулировка Шестова выводит нас за круг философских проблем и ставит перед вопросом: «если кончается мышление, если теряется разум, не значит ли это, что теряется и философия?»

Можно сказать, что вера для Шестова — это попытка возвращения в ту «землю обетованную», где бы физические законы, власть необходимости отступали перед живым человеком, где сам человек мог бы диктовать свои условия действительности и даже творить ее. Согласно Л. Шестову таким человеком был Адам до момента его изгнания из Рая. Миф о грехопадении философ делает центральным понятием своей религиозной философии. Причем его понимание значения грехопадения Адама не совпадает с традиционным христианским толкованием. Философ убежден, что Бог не наказывал человека за непослушание, а лишь предупредил его о возможной опасности, так как плоды дерева познания уже заключали в себе смерть для человека.

Ряд исследователей (С. Н. Булгаков, В. А. Кувакин) считают, что последние работы Шестова говорят о его нарастающем фидеизме [6, 447]. Нам представляется, что если термин «фидеизм» и применим к творчеству Льва Шестова, то нужно скорее говорить о трансформации фидеизма, а не о его нарастании. Так, в ранних своих произведениях Шестов в большей степени критиковал представления о божественной сущности в изложении Л. Н. Толстого, В. С. Соловьева и Н. А. Бердяева. В работах более позднего периода Шестов переходит к рассмотрению атрибутов Бога. Современный исследователь А. В. Овсянников полагает, что Шестов рассматривает прежде всего иудейского, ветхозаветного Бога, Бога всемогущего: «К Богу обращаются за невозможным. Для возможного и людей достаточно» [5, 245]. Однако мы у Л. Шестова находим свидетельство обратного: «Люди, приписывая те или иные качества совершенному существу, руководствуются не интересами существа, а своими собственными. Им нужно, чтобы высшее существо было всезнающим — тогда можно без всякого опасения вверить свою судьбу» [16, 226].

В подобном заявлении Л. Шестова, что всемогущий Бог не желает быть самым сильным, но и не хочет быть самым слабым, чтобы самому не подвергнуться насилию, можно выявить трактовку, далекую от официального иудаизма. Заметив, что фанатичную приверженность какой-то религиозной доктрине можно рассматривать как своеобразную форму всемства, подчеркнем, что отечественный мыслитель резко критиковал догматизм и косность традиционного религиозного мышления, а также господствующую в теологии тенденцию представить Бога таким, о котором мечтают земные деспоты. Интересную мысль высказывает современный исследователь В. В. Лашов. Он полагает, что в своих представлениях о Боге «Шестов также грешит антропологичностью, он сильно приближает Бога по своим качествам к человеку» [8, 91]. И действительно, Шестов резко возражал против любого доказательства Бога, против приписывания ему человеческих атрибутов. На наш взгляд, Бог для Шестова остался в большей степени категорией философской, чем религиозной. По сути, Бога он рассматривает в плоскости беспочвенности: «Бог — значит все возможно. И все возможно — значит Бог» [15, 76]. Вчитываясь в труды мыслителя, мы можем сказать, что Шестов искал Бога, стоящего по ту сторону добра и зла, по ту сторону истины и лжи. Философ искал Бога, который может избавить любого

верующего от страдания, трагедий и смерти прямо сейчас, может выполнить любую просьбу. Нашел ли Шестов Бога? Этот вопрос вызывает немало споров. Виктор Ерофеев считал, что «Шестов остановился на пороге... Считая отчаяние необходимой предпосылкой для веры, он старательно отчаивался, но вера не наступала» [3, 153–188]. Известный советский исследователь В. Ф. Асмус полагал, что Бога Шестов не искал вовсе, а вера была для него не поиском истины, а поиском счастья [1, 78].

В заключение статьи, в которой невозможно подробно осветить эволюцию религиозных представлений выдающегося российского философа, приведем точку зрения В. В. Зеньковского: иррационализм или экзистенциализм Л. Шестова, по существу, оказываются вторичными определениями его философии, первичный же слой и основа исканий Шестова, это религиозность, «редкое по своей выдержанности и ясности веросознание» [4, 371]. Здесь же уместно будет вспомнить слова выдающегося немецкого философа В. Ф. Шеллинга: «Тот, кто хочет и может верить, не философствует, а тот, кто философствует, именно этим возвещает о том, что ему одной веры мало». Возможно, Л. Шестов всю жизнь мечтал о такой вере, которая не требовала философствования.

Литература

1. Асмус В. Ф. Лев Шестов и Кьеркегор // Философские науки. 1972. № 4.
2. Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова: (По переписке и воспоминаниям современников): В 2 т. Париж, 1983. Т. 1.
3. Ерофеев В. Остается только одно: произвол // Вопр. литературы. 1975. № 10.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. М.; Ростов н/Д, 1999. Т. 2.
5. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки Богов. М., 1990.
6. Кувакин В. А. Мыслители России: Избр. лекции по истории рус. философии. М., 2005.
7. Курабцев В. А. Миры свободы и чудес Льва Шестова. М., 2005.
8. Лашов В. В. Гуманизм Льва Шестова / Под ред. В. Кувакина // Библиотека журнала «Здравый смысл». М., 2002.
9. Овсянников А. В. Проблема бытийных оснований человеческого Я в религиозном экзистенциализме Н. Бердяева и Л. Шестова: Дис. ... канд. филос. наук. Орел, 2006.
10. Шестов Л. Начала и концы: Сб. ст. / Рос. гуманитар. Интернет-университет [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.i-gu.ru>
11. Таланина Л. А. Проблема взаимосвязи культуры и религии в философии Льва Шестова: Дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006.
12. Шестов Л. Sola Fide — Только верую: (Греческая и средневековая философия. Лютер и церковь). Париж, 1966.
13. Шестов Л. Афины и Иерусалим. М.; Харьков, 2001.
14. Шестов Л. На весах Иова. М.; Харьков, 2001.
15. Шестов Л. Кьеркегор и экзистенциальная философия. М., 1992.
16. Шестов Л. Сочинения: В 2 т. Томск, 1996. Т. 2.
17. Шестов Л. Философия трагедии. М., 2001.

Рукопись поступила в редакцию 14 февраля 2008 г.